Письмо VI

Читтенден. Октябрь.

Первым основным правилом в деле научных опытов должно являться условие, чтобы факты говорили сами за себя; результаты не должны требовать ни вспомогательного красноречия, ни прикраски, но обязаны, напротив того, преобразовываться сами по себе в непреложные доказательства. Дабы заслужить быть принятыми на поле науки, они должны сперва достичь до того пункта, который исключает всякую возможность заблуждения. Поэтому они должны, вместе с тем, быть всегда готовыми к повторению во всякое время, при одинаковых условиях, под надзором любого опытного ученого, как и в каждой стране. Допускаю также, что в виду многочисленных возможностей к самообольщению наших чувств, свидетельство последних должно допускаться с чрезмерной осторожностью, если не совсем отбрасываться.

Если я стану воображать, что видел собственными глазами тело, подымавшееся противно известному закону тяготения, то свидетельство мое не будет иметь ни малейшего веса в глазах ученого естествоиспытателя. Он ответит мне, что благоразумнее предположить, что зрение мое обмануло меня, нежели что универсальный закон тяготения изменился ради одного исключения. Но если таковое приподымание той же тяжести может быть доказано каким-либо инструментом, который, не имея ни зрения, ни воображения, ни других психологических способностей, не может поэтому самому ни обманывать самого себя, ни других вводить в заблуждение, то тогда мы должны согласиться, что явился новый факт для науки и всё наше знание должно подвергнуться снова тщательной перестройке.

Примените эти правила к моему настоящему положению и скажите мне, что могу я сделать в подобном случае? Единственно только то, что я и старался объяснить в моих предыдущих письмах – то есть остаться простым компилятором фактов, наблюдателем феноменов, которые предоставляю классифицировать и объяснять другим. Если мне посчастливиться подметить хоть что-нибудь такое, что возбудит серьезное внимание опытного исследователя и поможет ему открыть что-либо новое в природе, таинственную, неизвестную нам доселе истину, то я буду и за то благодарен; если же напротив я уличу братьев Эдди в обмане и фокусах, то в таком случае публика останется в барыше и я всё-таки заслужу общественную благодарность.

Я вынужден [добавить] к этим замечаниям различных критиков и советам, получаемым мною от особ, вполне достойных уважения; я обязан разъяснить и определить свое положение в их глазах вне всякой возможности к фальшивым предположениям – и объявляю здесь раз [и] навсегда, что если мне и случится передать в превратном смысле то, что я вижу, слышу и чувствую здесь, то вина будет не моя, а моих наблюдательных способностей и чувств, вытекающих из того самообольщения. Быть может, что мне действительно угрожает подобная опасность, каюсь в том заранее, так как я столько же гожусь для обязанности ученого инвестигатора, как и для ремесла зубного врача или столяра. Но смею, однако,[1] надеяться, что наблюдения мои не окажутся хуже наблюдений всякого другого добросовестного человека и что я, по крайней мере, настолько же компетентен в деле, как и большая часть неученых мирян, поэтому остановимся лучше разом в напрасных попытках переделать честного *репортера* в ученого пачкуна. Заезжали сюда проездом и таковые, на день, много на два, и, повертевшись, уезжали с полным убеждением, что материализованные духи Уиллиама были самим Уиллиамом в ловком переряживании, а необыкновенные феномены Горацио – простым фокусом странствующего фигляра. Если мы станем говорить таковым *сынам науки* о женщинах, выносящих из «кабинета» детей; о молодых девушках с грациозными, стройными станами; о девочках с ребяческими еще формами, со светлыми кудрями и крошечными ручками; о стариках и старухах, выходящих из того же «кабинета» и вступающих с нами в разговор при полном освещении; о малютках, выводимых иногда по два вместе за руку третьей особой; о костюмах различного покроя и разных эпох; о головах лысых и головах седых, черных, белокурых, растрепанных и приглаженных, кудрявых и плосковолосых; об особах-призраках, мгновенно

[1] Далее зачеркнуто: з.

узнаваемых родственниками и друзьями, и о[2] призраках, говорящих на иностранных языках, совершенно неизвестных медиуму, – то всё это не потревожит ни на секунду вышеупомянутых сыновей науки. Они мгновенно применят вам в ответе своем раз навсегда принятое ими чрезвычайно удобное правило: отрицать *quand même*[3] всякий затруднительный для объяснения факт и сваливать всё остальное на счет обмана. Легковерие иных ученых просто забавно своей безграничностью; они скорее поверят тому, что младенец приподнял гору без помощи Архимедова рычага, чем допустят на одну минуту, чтобы призрак или дух мог поднять с полу перышко. Альфред Уоллас заметил одному моему приятелю в Лондоне, что если бы Тиндаль наткнулся на какой-либо новый факт, то он понюхал бы его, посмотрел на него, перевернул бы на все стороны, раскусил бы, попробовал и, отвернувшись, не поверил бы в его существование. Быть может, что это немного и преувеличено, но всё же отлично обрисовывает наших современных ученых в их чванном скептицизме. Во всяком случае, мы должны согласиться, что этот дух отрицания задерживает колесо прогресса и заставляет несчастных открывателей завоевывать заслуженные лавры ценою страдания и преследования. Намедни доктор Бѝард[4], посетивший Эдди, предлагал мне побиться с ним об заклад в 1000 долл[аров] против 100, что он сумеет олицетворить всех призраков, виденных им у Эдди, истратив только несколько долларов на покупку театральных костюмов, и совершить один без всякой помощи каждый из фокусов Горацио, представляемых им в «светлых» сеансах. На это я ему отвечаю, что в таком случае ему не стоит гнаться за золотыми горами, так как он имеет целые сокровища в голове и на конце пальцев.

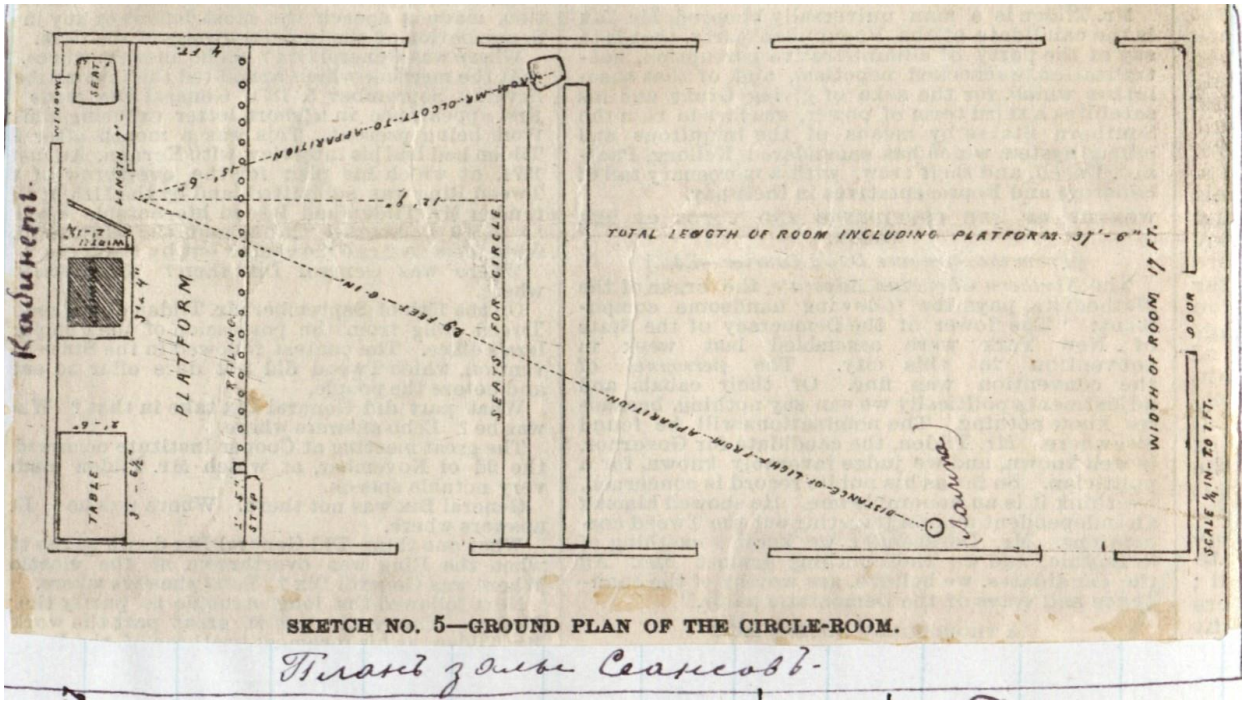
Феномены, публично заявляемые у Эдди, суть следующего свойства: 1. Так называемая материализация духов, которая происходит в зале сеансов (circle-room), расположенной на втором этаже и занимающей всё пространство над задней частью дома, во время которого все сидят, соединившись руками и образуя полукруг в два, три и более ряда, сообразуясь с числом посетителей. Во время такого сеанса в зале горит одна керосиновая лампа, которая иногда понижается до полутемноты, а иногда, по приказанию духов-распорядителей, подымается, бросая довольно яркий свет. 2. Появление в одно и то же время материализованных рук и игра на различных инструментах в совершенно светлой комнате; руки пишут на глазах всех и адресуют письма на имя желаемых особ и проч[ее]. 3. Сеанс держится в совершенно темной комнате. Медиума привязывают крепко к стулу. Все обязаны взяться за руки, и как только потушен свет, начинается ряд удивительнейших феноменов, требующих иногда двадцать человек соучастников – если бы манифестации были простым обманом – для выполнения программы, как мы то докажем[5] далее. Игра на различных инструментах, громкое пение различных голосов; разговоры с духами; звуки и шум многочисленной толпы, пляска, крики; переноска по воздуху увесистых предметов и летание самого медиума, а случайно и других особ; шум и вой сражающихся индейцев; постоянный перелет всех музыкальных инструментов, беспрерывно играющих во всё время на воздухе; прикосновение рук и лиц духов к рукам, лицам и телу зрителей; великолепное исполнение музыки на четырех инструментах, концертный квартетто[6]; перелет бесчисленного множества фосфорических шариков; превосходное соло на аккордеоне, гитаре[7], скрипке, флейте, гармонике или на органе; немедленная импровизация рифмованных поэм на заданную тему которым бы то ни было из присутствующих; редкое артистическое свистание; подражание буре на море, грозе и проливному дождю, рев волн, завывание ветра, звуки выкачивания воды из насосов, крики матросов и проч[ее] и проч[ее]. Все эти феномены я видел и присутствовал в продолжение трех месяцев регулярно каждый вечер при таких представлениях. Я тщательно записывал малейшие подробности оных тотчас же по окончании каждого сеанса в том порядке, как они происходили, и намерен описать теперь самые замечательные из подобных явлений.

Первым моим старанием было убедиться во что бы то ни стало в том, что не имеют ли медиумы соучастников и не производятся ли все эти манифестации с человеческой помощью.

---

[2] Далее в этом слове зачеркнуто: б.
[3] в любом случае (*фр.*).
[4] Джордж Бирд (Beard, 1839–1883) – американский невропатолог.
[5] Далее зачеркнуто: то.
[6] квартет (*um.* quartetto).
[7] Далее зачеркнуто: или.

Поэтому постараюсь прежде всего объяснить обычную обстановку сеансов. Зала, как я уже сказал, занимает всю заднюю часть дома. Окна ее находятся на расстоянии 13 фут[ов] 9 дюймов[8] от земли. На ферме, несмотря на все мои поиски, я даже не нашел и простой лестницы. Во время одной необходимой перестройки в доме должны были послать занимать таковую у соседей. В зале находится всего одна входная дверь, да и та отворяется на противоположном платформе (для духов) конце залы. Длина комнаты 37 фут[ов][9] и 6 дюймов[10] и 17 ф[утов] ширины[11]; потолок находится на вышине 9 ф[утов] 2[x] д[юймов] посередине[12] и 6 ф[утов] 11 д[юймов] по бокам[13], так как он выстроен сводом. На дальнейшем западном конце залы проведена печная труба, продолжение трубы кухни в нижнем этаже. Направо от трубы выстроен чуланчик в 2 ф[ута] 7 дю[ймов] ширины[14] и[15] 7 ф[утов] длины[16] с крошечным квадратным окошком в 2 ф[ута][17]. Дверь в чулан или «кабинет» (так как в этом-то чулане и садится Уиллиам для материализаций) в 2 ф[ута] ширины и 6 ф[утов] вышины[18]. Дверь «кабинета» отворяется на платформу – род внутреннего балкона или крыльца с низенькими перилами, – выстроенную во всю ширину залы; платформа эта возвышается на 23 д[юйма][19] от пола. Вдоль ее проходят редко вделанные перила в 2 ф[ута] вышины. В «кабинет» нет другого входа, кроме в[20] единственную его дверь или же в окно, но оно находится на 17 футах высоты, и входящей или выходящей из «кабинета» особе пришлось бы или пройти и выйти на глазах зрителей, или же прыгать в окно (смотри эскиз №5).

SKETCH NO. 5—GROUND PLAN OF THE CIRCLE-ROOM.

План залы Сеансов.

1

[8] 4,2 м.

[9] Далее в рукописи вклеен рисунок из газеты «The Daily Graphic» (1874, 23 октября) (см. рис. 1) с подписями Е.П.Блаватской: внизу – «План залы сеансов», возле заштрихованного прямоугольника – «“Кабинет”», возле окружности – «Лампа»; надпись внизу рисунка: «Sketch №5. Ground plan of the circle-room» («Эскиз №5. План залы сеансов»).

[10] 11,4 м.

[11] 5,2 м.

[12] 2,8 м.

[13] 2,1 м.

[14] 0,79 м.

[15] Далее зачеркнуто: в 2 ф. в.

[16] 2,1 м.

[17] 0,6 м.

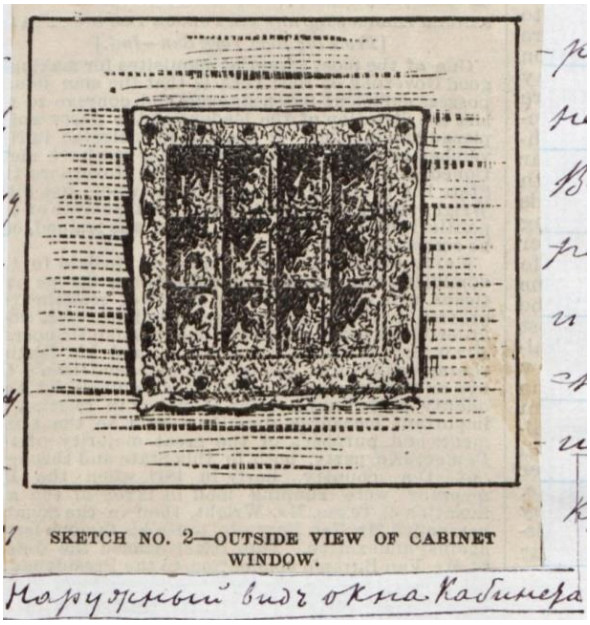
[18] 1,8 м.

[19] 0,58 м.

[20] Далее зачеркнуто: дверь.

С этим окном, в виду намеков и подозрений со стороны моих корреспондентов, я получил позволение от хозяев поступить по своему; поговаривали о возможности, предоставленной соучастникам, вносить в него костюмы и даже действующих лиц (духов): поэтому покрыв окно толстой проволочной сеткой, я запечатал его в двадцати местах сургучом с приложением моей собственной с гербом печати (смо[три] №2). Но эта предосторожность[21] не привела ни к чему и ничуть не помешала духам являться по-прежнему. В самый вечер произведенной мною операции они явились еще разнообразнее и многочисленнее прежнего и даже подтрунивали надо мною. Покорнейше прошу[22] теперь гг. инвестигаторов и других критиков, нельзя ли им сочинить еще какую-нибудь объяснительную теорию, так как старая уж не годится.

Зрители занимают скамьи в два ряда, как оно показано на диаграмме. Так как сеансы происходят вечером, то зажигается, как сказано выше, керосиновая лампа, которая и ставится на месте, указанным в той же диаграмме. Мое обычное место наблюдения находится возле окна, как я и представлен на эскизе под №3.

SKETCH NO. 2—OUTSIDE VIEW OF CABINET WINDOW.

Наружный вид окна Кабинета

2

Примите во внимание, что под залой сеансов находятся столовая, небольшая кухня и молочная, как оно и показано в эскизах моего последнего письма. Потолок всех этих трех комнат – те же старые, бревенчатые, замазанные глиною потолки, которые выстроены вместе со старым домом. Новый второй этаж пристроен только прошлой весной, и до существования его сеансы давались в приемной комнате нижнего этажа. Пол новой залы настлан на простых брусьях 6 дю[ймов] в диаметре и состоит из двух настилок досок; одной невыделанной, прибитой грубо, хотя и крепко, другой из выструганных, хотя и не очень тщательно нивелированных досок. Под полом платформы второго пола не существует, вероятно, в видах хозяйственной экономии, но выдающаяся окраина платформы поддерживается толстыми срубками, к которым крепко прибит двойной такой же ряд поперечных досок, составляющих ее пол, который опирается всею тяжестью на две продольные балки. Если пойти[23] со свечой в два небольших темных чуланчика, отворяющихся в кухню и молочную, вся плотническая работа постройки «кабинета», равно как и платформы, открывается перед вами. №4 рисунка представляет рассеченный вид обоих (см. эск[из] №4). Я тщательно осматривал эту постройку снаружи, как и внутри; в первый раз я

[21] Далее в рукописи вклеен рисунок из газеты «The Daily Graphic» (1874, 23 октября) (см. рис. 2) с подписью Е.П.Блаватской «Наружный вид окна “кабинета”»; надпись внизу рисунка: «Sketch №2. Outside view of cabinet window» («Эскиз №2. Наружный вид окна “кабинета”»).

[22] В начале это слова зачеркнуто: по.

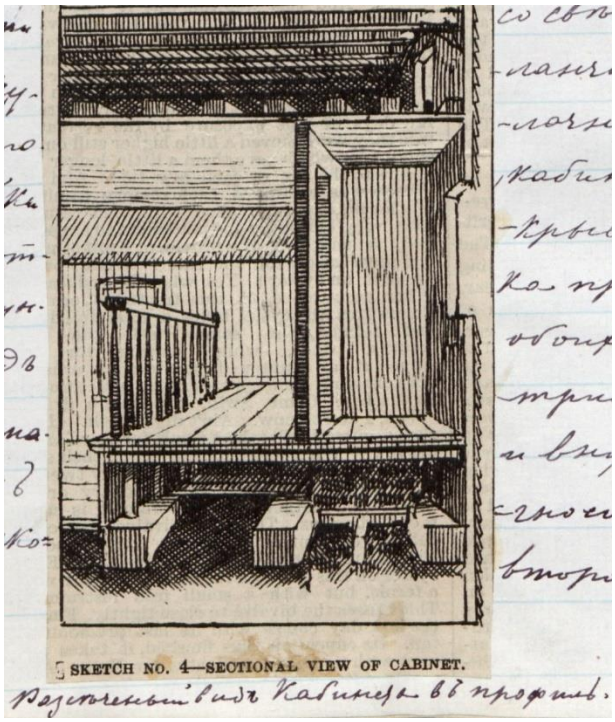
[23] Далее в рукописи вклеен рисунок из газеты «The Daily Graphic» (1874, 23 октября) (см. рис. 3) с подписью Е.П.Блаватской «Рассеченный вид “кабинета” в профиль»; надпись внизу рисунка: «Sketch №4. Sectional view of cabinet» («Эскиз №4. Данный в разрезе вид “кабинета”»).

отправился на рекогносцировку с нашим художником, [во] второй – с одним известным механиком-изобретателем из Массачусетса, которому я обязан следующим свидетельством:

«Читтенден (Вермонт), 26 сент[ября] 1874 [года].

Нижеподписавшийся изобретатель-механик, испытанный в своем искусстве и знакомый многие годы с механикой, владетель двадцати трех патентов от правительства Соединенных Штатов и получивший вследствие сего премию на эксперта, свидетельствует сим, что он по просьбе полковника Э.С.Олкотта отправился вместе с ним осматривать дом медиумов Эдди, что нижеподписавшийся тщательно осмотрел стены, полы и потолки главного здания, равно как и пристройки; что он подверг подробному осмотру “кабинет” Уиллиама Эдди, стены, потолок, пол и окно оного, також настланный пол платформы, вследствие коего осмотра нижеподписавшийся вполне убедился в физической невозможности соучастнику либо соучастникам пробраться в вышеупомянутый “кабинет” иначе как в дверь его прямо в виду всех зрителей, также уверился он, что в нем нет ничего такого, куда бы было возможным спрятать костюмы или другие театральные принадлежности. Кроме этого, – присутствовав при многочисленных материализациях так называемых духов, – свидетельствующий ручается в том, что феномены, от чего бы они не происходили, *не могут быть* результатами фокусов, выходящие на платформу фигуры не есть переодетый Уиллиам Эдди и не могут быть представлены посредством механических либо химических способов. Что же касается до претензии вышереченных фигур олицетворять усопших смертных, то нижеподписавшийся не совсем еще убедился в справедливости сей гипотезы, так как убеждения его и взгляды о будущей жизни человека не дозволяют ему доселе допустить мысль о возможности посещения нашей планеты жителями другого мира.

О.Ф.Мор[р]ил[24] (из Челзеи[25], Массачусетс)».

3

Один взгляд на залу сеансов докажет всякому, кто только внимательно рассмотрит прилагаемый при этом письме план, что не только невозможно добраться до медиума с той минуты, как он входит в «кабинет» через дверь залы, не быв замеченным сидящей публикой, но что никто из самых зрителей даже не имеет к нему доступа. Свет от лампы, хотя не очень яркий,

[24] O.F.Morrill.
[25] Челси (Chelsea).

всё же слишком достаточен, чтобы дать возможность даже с одного конца залы до другого заметить малейшее движение каждого присутствующего.

Над залою сеансов, между потолком и крышею, ничего нет, кроме низкого чердака без пола и в котором нельзя даже стоять выпрямившись. Между балками потолка нижней комнаты грубосмазанные глиной и известкой пространства не представляют ни малейшей возможности для подозрения или[26] мысли о каких-либо потаенных или опускных дверях. Кроме того, залезая в первый раз на чердак с механиком для осмотра, густые паутины, покрывающие вековой сетью весь пол и протягивающиеся от бревна до бревна, ясно доказали нам, что в продолжение многих лет, по крайне мере, никто не заходил туда.

Надеюсь, что я успел доказать теперь недоброжелательным, подозрительным скептиками, что в «кабинет» Уиллиама нет никакого доступа и что я отстранил таким образом главный пункт к обвинению в обмане. Стало быть, теперь весь вопрос состоит в следующем: доказав раз навсегда, что из «кабинета», в котором сидит медиум Уиллиам Эдди, выходят одна за другой, – а иногда и по две вместе, – различные человеческие фигуры видимо самых разнообразных наружности, роста, лет, объема и пола в различных, совершенно противоположных костюмах всех веков и национальностей, обращающихся к зрителям на всевозможных языках и разными голосами, мы должны допустить одно из двух: 1. или эти фигуры представлены все одним и тем же человеком, т.е. медиумом, 2. или же они результаты неизвестной нам тайной силы природы. Из этого силлогизма другого исхода нет. Сражение должно решиться у дверей этого «кабинета». Я понял это в первые дни своего приезда сюда; теперь я это сознаю в десять раз яснее. Несколько недель, проведенных мною на ферме, оказались самой деятельной, трудной эпохой для умственных способностей моих, когда-либо выпадавших мне на долю; я додумывался почти до горячки. Я прошел через все степени неверования и подозрения. Я постоянно держался на стороне, боясь пропустить без внимания мельчайшее обстоятельство, безделицу какую-нибудь, которая помогла бы мне в моей дилемме; всегда готовый сознать себя одураченным ловкими мошенниками и покаяться в том перед светом, если бы обман мог быть доказанным мне, и, наконец, нашелся вынужденным прийти к одному заключению с мистером Морилом, экспертом-механиком, – что какова бы ни была причина сего феномена, его было невозможно приписать шарлатанству или ловкому фокусу. Несмотря на всё это, какое право имею я рассчитывать на доверие публики к моим рассказам? Как могу я требовать от благоразумных людей, чтобы они поверили мне на слово, когда я уверяю их[27], что все эти необычайные явления не обман и не мошенничество, если они[28] не имели еще случая убедиться в истине, заявляемой мною, собственными глазами своими, упорно отказываясь от случая, представленного как мне, так и им, поехать и удостовериться собственным свидетельством зрения, слуха и разума? Тем менее могу [ли] я ожидать от людей, посвятивших жизнь свою положительным наукам, привыкших не допускать ничего, ровно ничего, без полнейшего, неопровержимого доказательства, математической верности и непреложного свойства. Я и не ожидаю чего-либо подобного; поэтому-то я решился описывать в своем повествовании[29] как можно точнее одни[30] лишь существующие действительные факты, объясняя их в мельчайших подробностях и не выпуская, как и не прибавляя, ничего. Предоставляю совершенно им самим говорить за себя: в этом – вся задача моя.

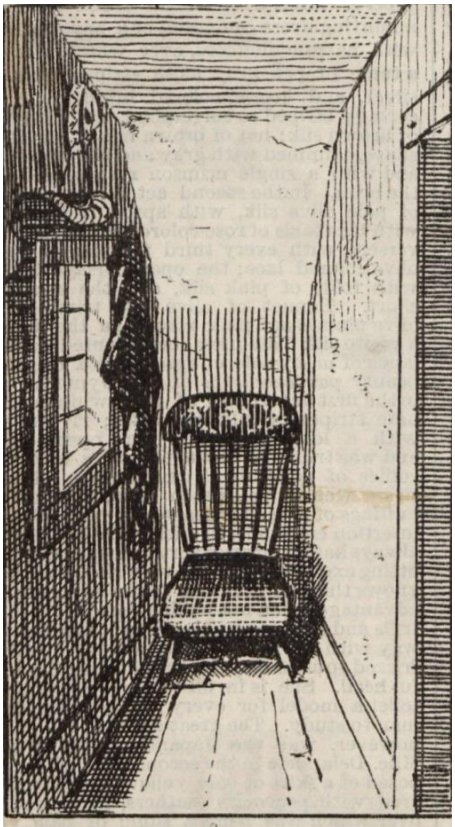
[26] Далее зачеркнуто: же.

[27] Далее в рукописи вклеен рисунок из газеты «The Daily Graphic» (1874, 23 октября) (см. рис. 4) с подписью Е.П.Блаватской «Внутренность “кабинета” для материализаций»; подпись внизу рисунка: «Sketch №1. Interior of cabinet» («Эскиз №1. Внутреннее пространство “кабинета”»).

[28] Далее зачеркнуто: сами.

[29] Далее в рукописи вклеен рисунок из газеты «The Daily Graphic» (1874, 23 октября) (см. рис. 5) с подписью Е.П.Блаватской «Перспектива залы сеансов у братьев Эдди»; подпись внизу рисунка: «Sketch №3. Perspective view of the circle-room» («Эскиз №3. Перспектива залы сеансов»).

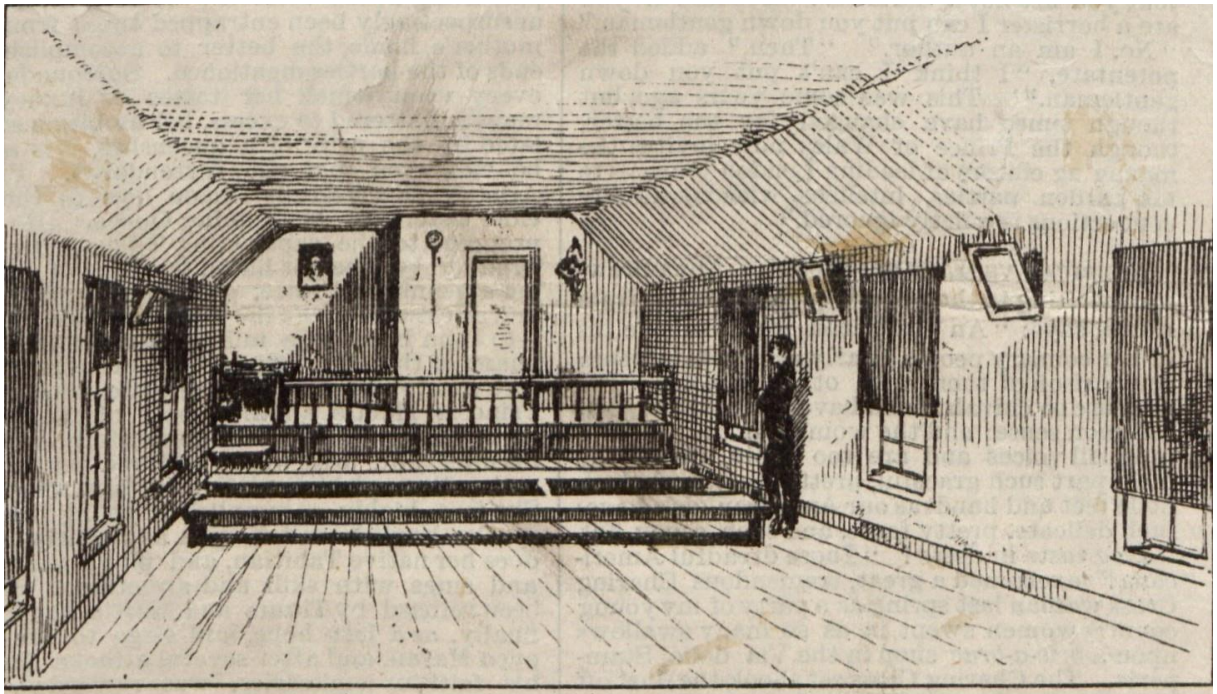
[30] Далее зачеркнуто: все.

SKETCH NO. 1—INTERIOR OF CABINET.

Внутренность "Кабинета для "Материализаций"

4

SKETCH NO. 3—PERSPECTIVE VIEW OF THE CIRCLE-ROOM.

Перспектива Залы сеансов у братьев Эдди.

5